

Мерцающий свет

Вначале было шумно. Ветер, свистящий холодный ветер выгонял вперед себя звук, гулкий и неразборчивый. Далеко его гнал – во все стороны. Звук нарастал. Ветер усиливался. Серое море взрывалось, дыша брызгами, колючими, как снег в лицо. В постоянном движении оно поднималось ввысь и так же стремительно ныряло не пойми куда – пропадая.

Город. Море. Шумное горе. Тревожное море звуков. Оно волнуется и трепещет, будто черная занавеска в комнате с открытым окном, из которого выбросился человек. Море дрожит, толкая к берегу волны, каждая из которых и вопит, и кричит, и бежит, не останавливаясь:

лезет на новый гребень. Разбивается на осколки. Брызги, похожие на снег, бьющие тебе в лицо...

Море бушевало. Оно не хотело замерзнуть, но холод был сильнее.

Из шума появилась музыка. Отчетливая музыка, доносящаяся из уличных колонок торгового центра «Премьер». За ней шли, словно корабли по волнам – к берегу, люди, желающие завершить свои последние приготовления: медлить нельзя, Новый год уже послезавтра. Люди ее слышали, но не слушали: пропадали в нутре торгового центра, толкаясь в очередях, мешая друг другу, ища и обретая. Обретая, они находили выход. Выплескивались наружу, радостно исчезая в праздничных огоньках Рязани – новогодней столицы 2020 года в России.

Вначале было шумно. Затем зазвучала музыка. Появился мерцающий свет.

Под невзрачными навесами для ашановских тележек (оба на равном удалении от входа – слева и справа от зеленых дверей, безразлично раздвигающихся, чтобы автоматически пропустить мимо себя посетителей, как песок сквозь пальцы) курила самая разная публика. Дымил и стар и млад.

Музыка не смолкала. Одна веселая песенка сменялась другой – такой же бессмысленной, как и первая:

А я поверила в зимнюю сказку.

Ах, эти белые-белые розы.

А я поверила в Деда Мороза.

А я поверила в счастья мешок.

Дед Мороз, нам было хорошо.

Песен в плей-листе было немного, так что вскоре они повторялись снова.

Ашановский сотрудник (на вид типичный «гастр» в красной форменной одежде гипермаркета) наученно и зорко следил за тележками: отгонял свободные куда следует, размашисто шагая по стальной сетке, звенящей каждый раз, когда на нее наступала нога человека. Справившись, он пропадал в здании, а через несколько минут опять появлялся на улице. И все повторялось. В закутке за автоматическими дверями мальчишка южной внешности, переминаясь с ноги на ногу от холода, от которого простенькие кеды спасти не могли, спрятав руки в карманах своей желтой куртки, кого-то ждал. Не дождался: набирая что-то в телефоне, ушел в неизвестном направлении. Оказалось, что там, где минуту назад был этот мальчик, толстая женщина в куртке продает мягкие игрушки. Игрушки не пользуются спросом, но она не из робких – кто-нибудь купит: работа есть работа.

Закупившись суши, группа китайских туристов, в радостном волнении болтая между собой, идет к своему автобусу. Вслед за ними из торгового центра выходит растерянный русский мужик – шапка набекрень, глаза полны досадного удивления.

Говорит по телефону, обалдело поправляя головной убор:

– Нихренасе я дурак – зашел в «Ашан» за шампанским... Да какой там купил. Вспотел только: очередь. – Делает паузу и, застегиваясь, улыбается, прибавляет: – Зато кефира тебе взял. Скоро буду.

Успокаивается. Заканчивает разговор. Бежит куда-то.

Бегут куда-то. Хлопок! Все оборачиваются вправо: на тротуаре автостоянки пацаны взрывают петарды. Стихло. Облегченно выдохнули. Снова курят. Снова бегут. Входят и выходят.

Уже никто не замечает служащего с бело-красными тележками, и кажется даже, что так всегда было. И катится само по себе.

Две милые школьницы, судя по всему, давние подружки, класса, например, из пятого, обнялись, поцеловавшись в щеку:

– Ну, мне туда, – нехотя, но спокойно говорит темленькая, похожая на белочку, девчонка.

– А мне – туда, – показывает в противоположную сторону светленькая, с аккуратным носиком. Только что вышла из тепла, а щечки уже румяные на ветру.

Расходятся. Брюнетка берет маму за руку и так спокойно, что можно подумать – обреченно, идет к авто. Блондинка, накинув на себя капюшон, идет вправо: ей по трубе надземного перехода нужно перейти шоссе на другую сторону – к остановке. Там она обнаружит, что ей не хватает трех рублей на проезд, но и не подумает отчаиваться: объяснит случившееся какой-то доброй девушке, наверное, студентке, которая поможет мелочью.

Все у них будет хорошо. Но не у всех.

Мама и сын вышли из машины. Мама – женщина лет тридцати пяти, с опухшим то ли от невыносимой усталости, то ли от алкоголя лицом, грязными волосами желтоватого цвета и глазами, в которые больно смотреть – настолько они печальны; и ребенок лет двенадцати, квадратноватое маловыразительное лицо и деревянистая походка которого не помогли определить его возраст точнее.

Мальчик, закутанный в нелепую фиолетовую куртку и такие же нелепые брюки полукомбинезона, заткнутые в сапоги, был на своей волне: не смущаясь обстоятельствами внешнего мира, его правилами и приличиями, он уверенно поднимал хабарики, разбросанные около входа в ТЦ: один за другим. Все происходило быстро и удивительно красиво: казалось даже, что это – не более чем часть новогоднего выступления. В том, как ловко такой

одеревенелый мальчишка складывался пополам, была своя магия. Завораживало и удивляло и то, что перчатки на его ручках-веточках ничуть не мешали исполнять свой номер: двигаясь напрямик вдоль оранжевой стены к тележкам под навесом, словно змейка из игры в старом мобильном телефоне, наклоняясь, подбирая сигаретный фильтр, мальчик распрямлялся. Поднимая руки над головой, он разламывал фильтр на две части и, опуская руки, отбрасывал фрагменты волокна в обе стороны – будто салют запускал. Так играют осенними листьями обычные дети и их родители – подбрасывают их над головой. И кружатся, кружатся, кружатся...

Повторив эти действия несколько раз, мальчик начал напоминать окружающим андроида. Мама достала сигареты, чиркнула зажигалкой. Закурить не успела: робот, сжимая-разжимая кулак вытянутой вперед руки, пролепетал: «Обжигалка, даль обжигалку».

Поморщившись, женщина отдала ему простенькую зеленую зажигалку.

Чирк-чирк – засверкал, привлекая все внимание ребенка к себе, огонек. Чирк-чирк – прокручивал мальчик колесико зажигалки, замороженный пламенем.

– Да давай ты быстрее! – не вытерпела мать, гневно высвистывая приказ, звучащий для окружающих как проклятье. Ее сын, мальчик-дурачок, был в самом деле особенный ребенок – всякий раз, когда они были с ним в людном месте, он привлекал к себе ненужные взгляды любопытствующих, виновато потупливающихся, а иногда и злобных пар глаз чужаков.

Клин клином вышибают, и со временем она научилась игнорировать праздно шатающихся посторонних, испытывающих неприятное любопытство к ее ребенку: «Да, дурачок. Но это мой сын!» – демонстрировала она свою воинствующую любовь, как кошка когти, если удавалось

сохранить остатки терпения, чтобы не сорваться на крик, не подраться – как тогда, летом, на Почтовой, когда ей пришлось оттолкнуть незнакомого мальчишку от своего ребенка. Казалось, ее взбесил сам факт того, что его здоровые сверстники посмеялись над ним, несколько не стесняясь ее, стоявшей рядом. Не в том дело, что улица Почтовая для Рязани – местный Арбат, любое происшествие на котором не останется незамеченным (хотя и в этом тоже). И даже не в том, что ее не заметила дурацкая мелюзга, докопавшаяся до ее ребенка...

А когда она увидела, что дразнящийся мальчишка (чей-то чужой сын) уже лежит на тротуаре, совершенно опешивший от того, что его посмела опрокинуть на землю незнакомая тетка, краем глаза она заметила другое: ее мальчик стоял в стороне как ни в чем не бывало. Он даже не понял, что произошло, – вот в чем было дело.

Вся Почтовая уставилась на них двоих: мать и дитя. Мальчишке, который перехотел быть хулиганом, помогли подняться его товарищи. Не прошло и секунды, как они поспешили в сторону улицы Некрасова.

Инцидент был исчерпан. И хотя никто не сделал женщине замечания, ей еще долго казалось, что за ней придут, ее найдут и накажут, – ледяное чувство страха, постоянное напряжение, словно ее заковали в ванную со льдом: лежи смирно – не отвертисься.

Раньше, что бы ни было, она думала о нем: «Это мой ребенок... Это мой ребенок», – заклинала свое сердце мама, убеждая себя, что ее чадо – крест, который нужно нести. Но с тех пор все изменилось.

Теперь, случись что, она вспоминала безразличное выражение лица своего мальчика (оно почти всегда было таким, но раньше мама этого не замечала). После того случая на Почтовой она думала следующее: «Если бы я убила того парня, меня бы забрали в тюрьму, а он бы

и не заметил...». Нельзя было разобраться, что мешало ей больше: невеселые мысли или выводы, к которым подводили ее размышления. Но одно было ясно наверняка: это было по-матерински несправедливо. И по-женски больно.

Теперь, если приключался мало-мальский конфуз (а это, если у вас умственно отсталый сынишка, происходит довольно часто), она обвиняла своего ребенка, ругая его последними словами. Рассчитывала получить хоть какой-то отклик. Разбежалась! Тогда новая мысль заполняла все ее сознание: «Это – мой ребенок. Это – мой ребенок».

Можно научиться игнорировать посторонних. Не обращать внимания на свои переживания было куда тяжелей.

Всю дорогу к «Премьеру» сын ее раздражал, и она не могла поведи себя иначе – сил сохранять спокойствие в праздничной суматохе просто не оставалось. А вот злость... Злость в такие дни, как сегодня, не только оживлялась, облизывая своим языком ее сердце, но и не утихала – еще немножко, и клыки вонзятся в пульсирующую горячую ткань в груди.

Этим утром на кассе в супермаркете около дома кассирша, протягивая в пакет с продуктами к столу чек, пожелала ей всего хорошего:

– С наступающим вас! Всего: чтобы и денег, и секса!

– Спасибо, взаимно, – не ожидая такого поздравления, рассмеялась в ответ женщина. Ей было радостно. Но когда она поднималась по лестнице в квартиру, в которой ее дожидался сын (это – твой ребенок), который, скорее всего, даже не заметил ее отсутствия, ей стало грустно и плохо. И снова казалось, что весь мир – а не только приветливая продавщица – наносит ей обиду и оскорбление. И не будет ни денег, ни секса. И даже голос, падающий на нее откуда-то сверху, поет-издевается:

Ах, эти белые-белые розы.

А я поверила в Деда Мороза.

В его глазах – океан нежной ласки.

А я поверила в зимнюю сказку.

Какая тут сказка! Будут только черно-белые дни на двоих с сыном (да и те у него куда светлее, раз он каждый раз как впервые с изумлением дикаря смотрит за тем, как из зажигалки на мгновение вырывается огонь – первобытный человек, пока еще случайно высекающий искру).

Так, двигаясь по проторенной дорожке в лабиринте своей выхоженной страданием мысли, каждый день, месяц, год, хотя бы на минуту, мать спрашивала себя: «И почему из семьи ушел муж? И почему я не отдала его в детский дом?» Но время шло, а часики безразлично тикали, впиваясь шестеренками за стенкой циферблата прямо в мозг. Вовсе не обязательно дожидаться тридцать первого, чтобы, осознавая, что снова стала старше, констатировать с холодностью женщины, зашедшей в тупик по своей воле – он сбежал, потому что не смог иначе, хотя и намекал с простотой дебила:

– Слушай, давай откажемся. Нового заведем...

«Заведем? О-о-о, коне-е-ечно! Тебя я забыла спросить»...

А еще были врачи и всякие там психологи. Один умнее другого. Объясняли, каждый на свой лад:

– Такому мальчику, как Леша, не следует обучаться на дому. Ему лучше быть в специальной школе. Решать, конечно, вам...

– Это мой ребенок... Это. Мой. Ребенок. Какая еще школа?! Если вы хотите сказать, что Леша не умный, то вы ошибаетесь. И знаете, тогда мы с вами будем разбираться в другом месте! – вот как поначалу занимала круговую оборону мама Леша, который, сидя на полу в кабинете очередного специалиста, вертел в руках пластмассовую

пирамидку, время от времени то облизывая непонятный предмет, то пробуя на зуб.

– Да, это ваш ребенок, и он не хуже остальных, но с ним нужно работать ежедневно и иначе, чем с остальными детками. – Далее следовал рассказ о том, что такое умственная отсталость, и о том, что чем раньше включить ребенка в ситуацию общения, тем лучше. И о том, что расширение словарного запаса совсем не обязательно приведет ребенка к умению правильно воспользоваться словарем в нужной ситуации. Фразовая речь, как поняла мама, для таких деток – уже успех.

По всему выходило так, что ее Леша сможет использовать слов примерно тридцать, да и те – невпопад. На приеме ей запомнилось слово эхололия – термин, означающий бездумное повторение слов, выхваченных из чужой речи: в силу волнения, вместо прямой просьбы о чем-нибудь, все в таком духе.

Много дней прошло, долгих, безрадостных и неуютных дней, на протяжении которых мама, пытаясь понять ребенка, слышала его автоматические повторения непонятых им слов. В названии этого симптома речевого расстройства слышался отголосок чего-то страшного, неумолимо надвигающегося.

– Часто уходят годы, чтобы ребенок научился узнавать и озвучивать предметы. Полноценного речевого общения никто не гарантирует, но при комплексной работе...

– Заткнитесь!

– Что, простите?

– Я прошу вас рот закрыть. Вы что, глухой?

Женщина разрыдалась. Мальчик все облизывал фигурку. Было видно, что психолог прав: несмышлениш Леша не искал общения. Создавалось впечатление, что оно ему не нужно, хотя на самом деле важно было побуждать ребенка к нему, уча (а заодно и учась) общаться на языке

жестов, взглядов, интонаций, привлекая к той деятельности, которая для мальчика возможна и интересна.

– Женщина, поймите, пожалуйста. Вас никто не обвиняет, что так вышло. Но то, что должно быть сделано ради благополучия вашего сына, требует многократных усилий. Если у вас хватит воли, то вы – героиня.

Воли не хватило. Она пыталась, но что-то в ее мозгах пошло не так, заклинило и перемкнуло. Развивающие игры и учебники были отложены в сторону. Каждый стал жить в своей реальности, казалось бы, почти случайно замечая друг друга.

...Этим вечером броня дала сбой, и женщина с прежней хрупкостью раненого цветка почувствовала, что ее ребенок привлекает к себе внимание остальных: счастливых, молодых, занятых своими делами и... забывающих о нем уже через пару минут.

Она хотела бы повести себя так же, но... не смогла ни тогда, ни сейчас: сдать своего ребенка в школу для дураков – это вообще что? Разве для того она рожала?! Все вокруг хотели праздника, да и она хотела устроить праздник сыну (надеялась: сделаю ему подарок, и тогда...), но что-то ее съедало.

Приближающийся Новый год еще не наступил, но уже пугал, словно неотвратимость пропадания в вечно голодной темноте, которая просит добавки. Снова злоба неприятно куснула сердце. Прогрохотал очередной тележкой, заставив вздрогнуть женщину, какой-то узбек в красной кепке – провез клетку на колесиках по решетке у дверей. И даже эти двери, бесшумно раскрывающиеся при движении рядом с ними в обе стороны, сейчас напоминали ей челюсти клацающего зубами Щелкунчика, которого она не любила даже в детстве.

Услышала, как, проходя мимо, криво усмехнулась подвыпившая уже, судя по запаху «Блейзера», молодежь:

– Глянь: все лучшее – детям. – Оба парня повернулись в сторону мальчика, играющего с огоньком зажигалки. Встретились глазами с матерью и, виновато потупившись, отвернулись.

«Все лучшее – детям. Как же хочется курить, твою мать!» Злоба набирала обороты, и холод не прибавлял в ее душе (его-то душа – потемки!) тепла.

В который раз представив, что вот уже совсем скоро очередной день, очередной год будут позади, а в новом она останется одна – с сыном, с которым у нее нет ничего общего (кроме зажигалки и жилплощади), ведь даже одиноки они по-разному, она отняла у него любимую игрушку:

– Все, надоел!

Пожалела: если Леша понял, что его лишили зажигалки, то ни словом, ни телом не выразил ровно никакого недовольствия. Несмелость мужчин строить с ней отношения всерьез, когда рядом слабый на голову ребенок, она понимала, но равнодушие собственного сына, хоть он и не виноват, что таким родился, сносить было тяжело, если вообще возможно.

Докурив, она решительно взяла ребенка за руку и повела в торговый центр. Она определилась.

В ночь с тридцать первого на первое на город спустился приятный снежок. Рязанцы весело гуляли – ледяной каток под ногами никого не смущал. В центре, у памятника Ленину, устроили концерт. Гремели фейерверки. Молодые обнимались, а те, что постарше, начав пить еще рано утром, дрались, забавно падая лицом вниз на потеху остальным.

Та девочка, которой пару дней назад не хватало несколько рублей на маршрутку, в новогоднюю ночь гуляла со своим парнем на Почтовой. Ее подружка отдыхала

по-другому: отмечала Новый год в кругу семьи, на стриме – подняла деньжат.

Мальчик Леша встретил Новый год, как обычно, дома: кушал торт, смотрел дядю Путина. В этот раз мамы рядом с ним не было – кто-то позвонил, пригласил, и она ушла. В комнате с телевизором у окна стояла елка, под которой лежал нераспакованный подарок. Елка была искусственная, но огоньки на ней сверкали самые настоящие. Вот и жизнь у Алеши была такая же разноцветная.

После новогодних праздников, в феврале, он отправился в детский дом. Он вел себя хорошо только тогда, когда с ним была зажигалка, – она заменяла мальчику четки. А может быть, и маму.

Только потом те, кто знал эту женщину, вспомнили одну странность: в тот Новый год она впервые не написала на стене своей странички «ВКонтакте» традиционный пост с рассказом о своем сыне. С просьбой о том, чтобы все желающие отправили ему письмо от Дедушки Мороза с наилучшими пожеланиями по такому-то адресу. Даже номер своей банковской карты не приписала – вообще ничего.

Чирк-чирк.

Бета-версия

1

Война позади. Мирное время. Мирное небо над головой. Мало кто помнит, как поют птицы, – зачем, когда можно напечатать птичку на 3D-принтере? Воссоздать биологический артефакт по образу и подобию нынче проще, чем нос почесать. О разнице между жившими

когда-то до случившейся катастрофы пернатыми и их современными автономными копиями говорить не приходится – едва ли она заметна.

После войны вместо птиц над деревьями летают дроны: медицинские, транспортировочные, типа как у «Почты России», охранные... После войны этому никто не удивляется – онлайн одержал победу.

Мужик шел на прием в больницу. Он думал о том, что Рязань – это вам не сахар. Он еще помнил, что такое «рязанский сахар». Он еще помнил, как поют настоящие птицы. Он видел Байкал. Помнил Горбачева и Ельцина. Мальчишкой смотрел Брежнева по телевизору. Помнил, что раньше не было нужды в камерах с функциями распознавания лиц. Помнил время, когда двери в подъезды были нараспашку. Ему казалось, что в его время – то есть до того, как он решился на модификацию, – все жили дружно.

Почти при коммунизме.

– А теперь активисты говорят, что память не нужна. Время искажает воспоминания, утверждают они, – жужжал себе под нос мужик.

Он шел в больницу.

А больница – если точнее, поликлиника № 10 Московского района города Рязани, – та, к которой в довоенное путинское время были прикреплены 54 тысячи человек, и сейчас выглядит ужасающе. Внешне она напоминает ему расселенный дом. Квадратное складское помещение на помойке: разбитая дорога, грязные окна, серые кирпичи и кривая, как ковш трактора, крыша. Сколько он себя помнил, поликлиника всегда так выглядела.

Память не нужна, говорили они. Мы уже знаем, почему: время искажает воспоминания. Он помнил, как был закончен ремонт в январе 2020 года. В интернете, на сайте б2ИНФО, написали, что в больницу «привезли новое оборудование для УЗИ, отоларингологии и хирургии».

Обещанного нового оборудования он тогда, к сожалению, не заметил. Было ли оно вообще, это оборудование? Как теперь проверишь, что правда, а что вымысел?

Разве не заменили рабочие «окна, двери, полы, трубы, вентиляцию, проводку, а также перепланировали часть помещений»? Разве не повесили вспомогательные цветные таблички? «Так, синие означают терапевтическое отделение, желтые – диагностическое, красные – хирургическая служба, а зеленые – узкие специальности».

Таблички – да, были. Он видел их собственными глазами.

Знакомая врач на приеме сказала, если его не подводила память, следующее:

– Эти рабочие – одно название, вы бы знали! Кабинеты после ремонта оставили в таком состоянии, что все эти-ми вот руками пришлось отмывать, вытирать и выбрасывать. Доктора и медсестры мужей с собой взяли, детей – в помощь.

– Одним словом, тяптя-ляптя.

– Да вообще. Я одного рабочего на рынке потом встретила. Я – врач, и память на лица у меня знаете какая хорошая – без всяких микросхем! Так вот, рабочий мне и говорит: «А вы что от нас хотели, дамочка? Нам как заплатили, так мы и сделали. За качество мы не отвечаем».

– Пока наверху воруют, есть чем платить, да?

– Ну, в эти дебри я не лезу... Рыба гниет с головы – это мы знаем давно. А что толку? Москва живет в будущем веке. Все остальные города – в прошлом.

– Может, оно и к лучшему. Ну, спасибо за назначения. Всего вам хорошего.

– До свидания.

Да, примерно такой был разговор. Но время искажает воспоминания...

Когда он уже дошел до ручки, доктор спросила:

– Скажите, пожалуйста. А вы что, согласны ли на модификацию? Пока квоты есть, сами понимаете.

– Все мы здесь, так сказать, гостим. Не знаю. А что вы о ней думаете?

– Я – нет. Боже меня упаси. Страшно мне: вдруг что не так пойдет. Я человек прежней закваски. Консерватор. А вот вы – мужчина. Попробуйте. Тоже ведь – опыт.

– Хорошо. Я подумаю, – сказал он, повернул ручку и вышел из кабинета.

Через несколько дней он, движимый неясным предчувствием, сходил в больницу и дал свое согласие на участие в эксперименте (в те дни это так называлось).

Норма – понятие переменчивое.

– Итак, Ковалев Михаил Евгеньевич, 1966 года рождения. Вы осознаете риски? – спрашивал подозрительный очкарик, о котором все шептались: «Московский биоинформатик – голова!», «Чуть ли не Господь...» и т.д. – Вы много работали на вредном производстве. Заслужили проблемы со зрением, а общий износ организма составляет...

– Пугать меня не надо, – прервал его подопытный. – Я осознаю, что не знаю, сколько мне осталось: может быть, лет двадцать, а может быть, еще три понедельника. Так что вот вам мой росчерк. Дерзайте.

Очкарик был доволен.

В тот день, а это было в пятницу, Михаил Евгеньевич не представлял: вскоре о нем заговорят как о промежуточной модели нового человека. Со всеми вытекающими: слава, съемки, интервью... Бесчисленные исследования и новые апгрейды. Двигало им туманное иррациональное чувство, усталость от жизни или желание жить – ни нам,

ни ему об этом решительно ничего неизвестно. Вспоминая, каким был в те дни, Михаил Евгеньевич представлял себя совсем не тем, кем являлся на деле. Он был убежден, что всегда был человеком азартным, не чуждым риска.

Время искажает воспоминания.

Факт в том, что операцию назначили на следующую среду. Но в понедельник, день тяжелый, случилась авария, в результате которой ему смяло застрявшую в двери маршрутку ногу.

Оттяпав конечность, медлить не стали – боялись, что не выкарабкается. Неприятный очкарик из Москвы со своей свитой настоял на модификации – инвалидизированный экспонат, считай, биомусор.

Если что пойдет не так, его не осудят. Если все пройдет так, как задумывалось, мир изменится настолько, что эпоха посткапитализма начнется и в России!

Ничего необычного: ученые со всей страны наблюдали за тем, как лучшие из лучших на протяжении семидесяти двух часов модифицировали человека.

Оказавшись на первом этаже поликлиники № 10, мужик вытер ноги. Отворил еще одну дверь. Прошел в коридор первого этажа. Окошко регистратуры, как он понял, упразднили.

– Здравствуйте, Ковалев Михаил Евгеньевич, 1966 года рождения. Возьмите свой талончик. Ожидайте, пожалуйста, – проговорил неживой голос после того, как он прошел сквозь рамку сканера к табло с надписью «Электронная очередь».

– Без тебя знаю, – грубо ответил Ковалев, нажав пальцем на иконку «Распечатать талон».

– Время ожидания в очереди составляет... три... часа.

Оторвав талончик, он увидел, как на экранной панели, вставленной в стену напротив гардероба, дрались

маленькие человечки. Графика была пиксельная, в духе игры «Pac-Man».

Когда он приходил на освидетельствование в том году, этого экрана не было. Михаил Евгеньевич опешил – жил затворником, видел такое впервые.

Система подсказала:

– За углом зона ожидания. Наденьте VR-шлем и присоединяйтесь к бою. Отсканируйте QR-код вашего талона, и, когда придет время, игра будет закончена.

«Ну и ну», – подумал мужик.

Он давно жил и многое понял. Но такого не видал никогда.

За углом в два ряда располагались кресла, в которых под тихое жужжание техники сидели, конвульсивно дергаясь, люди: это они в ожидании очереди дрались один против другого.

Поговаривают, что такого рода бои популярны среди ипохондриков: в медучреждении за игровое время не нужно платить. Лайфхак. Профит.

– Вы прошли мимо VR-шлема. Вы прошли мимо VR-шлема... – торопливо заладила система.

– Машина, тебе не понять. Я в азартные игры не играю, – ответил мужик и начал подниматься по лестнице.

Чтобы не слушать болтовню электронного голоса, он включил одну из своих любимых композиций: «Pale Horse, Pale Rider» – пример музыки семидесятых годов XX века не хуже Led Zeppelin.

Помнится, в девяностые он нашел винил с этой песней на Горбушке. Слова из песни Ковалев знал наизусть:

*You will say like you're dreaming
When you see her moving slow
Pale horse and Pale rider
Drive along, coming close*

*Such a beauty not soon forgotten
She's a memory that holds me stand
Pale horse and Pale rider
My heart's a mystery for her to fell*

Гитарное интро и олдовый гитарный джемминг успокаивали нервы. Ненадолго.

3

– Вы пришли раньше времени.

– Я, вашу мать, киборг. Не пальцем, так сказать, деланный, знаете ли. Коридор пустой, вы что, не видите через свою, не знаю, камеру? Мне на освидетельствование из года в год. Каждый год одно и то же! – не унимался Михаил Евгеньевич, 1966 г.р. – Что за дурость? Что тогда, что сейчас: приходите и доказывать, что у тебя инвалидность. Не отрастет уже культия. Киборг я, объясняю же!

*Pale horse, Pale rider,
Pale horse, Pale rider
Pale hooorse, and mystery,
Mystery...*

Соло, к несчастью, пришлось убавить.

– Я вам уже сказала, Михаил Евгеньевич. Люди ждут своей очереди. Вам осталось ждать два часа пятьдесят одну минуту.

– Не буду я этой ерундой заниматься.

– Альтернативный способ решения вопроса: обращайтесь по месту прописки.

– Я давным-давно в Москве не живу. – Ни для кого не секрет, что первый русский киборг жил в Рязани еще до

своего, скажем так, обновления. – У вас что, нет информации об этом?

– Информация утрачена. Требуется время на восстановление, – подвел итог искусственный интеллект системы.

– Все ясно! – отмахнулся Михаил Евгеньевич, не желая терять времени. – Туфта эти ваши модификации. Давно бы уже в гробу лежал, как все нормальные люди.

– Судя по психосоматическим проявлениям, уровень патриотизма в вашей сосудистой системе на опасно низком уровне. Рекомендуем вам «не думать о секундах свысока», как пелось в песне вашей молодости.

– Я не давал доступа к библиотеке своих воспоминаний.

– Для оценки вашего здоровья доступ к подобным данным на территории госучреждений не требуется. К тому же добавлю: ваше согласие на участие в эксперименте было осознанным и информированным, – равнодушно парировала система.

– Не надо мне заливать! Каменный век. А вот в Москве...

– Исторический факт: инфраструктурная отсталость таких городов России, как Рязань, помогла минимизировать ущерб, нанесенный всемирным блэкаутом.

– Про отключение света мне тут рассказывать не надо. Ты еще вспомни, как закалялся Сталин. Блокадный Ленинград вспомни, сука ты механическая.

– Информации о том, как закалялся Иосиф Виссарионович, в моей базе нет. Есть книга с похожим названием. Что касается эпизодов Великой Отечественной войны: данная информация находится вне рамок компетенции системы медицинского учреждения. Отправить вам адреса, по которым вы получите информацию о блокаде Ленинграда?

– Нет, спасибо, – козырнул в никуда Ковалев. – Пойду на улице погуляю. Буду вовремя. После нервотрепки ощущения не из приятных, – проскрипел, наступая себе на горло, киборг.

– Понимаю вас.

Неожиданно замелькали, причудливо смешиваясь с обстановкой больничного коридора, искры в глазах. Рябь застилала мысленный экран, перемежаясь со звуками музыки, игроками из живой, кажется, поредевшей очереди. Что-то заскрипело в голове. «Довели!» – злобно подумал Ковалев, спускаясь по лестнице.

Выход рядом. На воздухе полегчает.

Вновь проходя рамку, услышал, как сканер предупредительно просигналил.

– Отправляешь точку геолокации, да?

Ответа он не услышал. Вывалился наружу. Все. Погасло.

4

– Петрович, что с этим «Электроником»? – спросил Иваныч, когда пациента погрузили в машину.

– Падучая.

– А если серьезно?

– Надпись «boot». Смотри. – Петрович показал надпись на уровне глаз пенсионера. Там, где они ранее находились.

– Классика, – обрадовался фельдшер скорой технической помощи. – Таких сразу в сервак...

– Андрюха, поехали в ближайший СЦ. Требуется диагностика.

– Маршрут построен. Едем, – ответил Андрюха. Всем, кроме «умного водителя», было ясно: Ковалев М. Е. не жилец.

– А давай попробуем. Вдруг чудо произойдет, знаешь. Простая перезагрузка поможет? – спросил Петрович как бы невзначай.

– Нет! Не трогай.

– Поздно. Перезагружается. Цифры пошли: 01010001001010001, – Петрович попробовал впечатлить фельдшера навыками скорочтения.

Скороговорка оставила Иваныча равнодушным.

– Суки. Твари. Суки. Твари. Суки... – заладил свое коматозник.

– Опять надпись. Я же тебе говорил.

– Суки. Твари. Суки. Твари...

– Что это с ним? Выключи ты его.

– Суки. Твари. Суки. Твари...

– Дурака-то мне не включай. Перегрелся, – рассердился коллега.

– Суки. Твари. Суки. Твари...

– Иваныч, я же тебя развеселить хотел. Не серчай, брат.

– Суки. Твари. Суки. Твари...

– Слушай его теперь всю дорогу. А там видно будет.

– Маршрут завершен, – уведомил Андрюха.

– Суки. Твари...

– Товарищи, – вышел из автомобиля медик. – Мы вам тут дрова привезли. Принимайте в работу. Может, еще почините рептилоида.

– Выноси. Поглядим, – согласился специалист сервисного центра. – У меня тут как раз будущий сотрудник практику проходит. Будет ему наука. Белые тапочки взяли?

Заносили Михаила Евгеньевича ногами вперед, по старинному поверью.

А за окнами здания, похожего на допотопный морг, беспризорники играли пустыми головами механических

собак в футбол. Говорят, похожим образом пинала консервные банки школота. В прежние времена. Но это не точно.

5

– Блин, какой же это древний образец! Я таких и не видел еще: мышечная ткань с функцией восстановления, а вместо вен пластиковые трубки? USB версии пять и ноль... Разве так делали?

– «Это мы не проходили, это нам не задавали. Тирлим-пом-пом», – посмеялся над подмастерьем профессионал. – Делали. Надо было как-то обкатывать технологии. Ты, наверное, не слыхал: «Все инструкции написаны кровью»?

– Нет.

– Здесь то же самое. – Бывалый технарь провел рукой по протезу киборга. Пощупал стальной холодок порядкового номера: «Инв. 3100010355». – Своеобразная чеканка, качественно, – похвалил сборку он. – Заявленный срок службы такого киборга – две сотни лет. Ты не радуйся. Это, как говорится, трындеж. Все бы ничего, но у моделей этого парка есть существенный косяк в архитектуре.

– Какой?

– А ты разве не чувствуешь, горелым пахнет?

– Нет. У нас же плавильные печи работают. Съездил недавно на прокачку – обонятельные рецепторы себе отключил, – объяснил практикант.

– Окей, – не стал осуждать его коллега. – Сейчас, погоди.

Повернул винтик в области шейного позвонка киборга. Отстегнул ему голову, будто бы оторвал креветке панцирь. Взял долото, молоток. Вставил в паз коробки, формой имитирующей черепную. Выстучал пару раз.

– Готово. – Раскрыв голову киборга на две части, словно книжку, которую вы, наверное, видели в музее вещей старого человека, диагност показал: – Что я говорил? Конденсатор – погорел, плата оплавилась. Да ты что отпрыгиваешь, глупый? Сам же сказал, запаха не чувствуешь. Показываю в последний раз. Смотри и учись, поросянок.

Парень недоверчиво отнял руку от своего носа.

– Глупый не я – рефлексы, – попытался неуклюже оправдаться он. Согласно подошел ближе. – Смотрю.

– Мозгов всего ничего, да и те сгорели – видишь, как висят?

– Вижу.

– Вот тебе и диагноз. Оформляй пока документы, а его в печку чигну. Отходил свое человек. Хватит.

– Постой, Лех.

– У меня всегда стоит. Че тебе надо, всплакнуть? Сопля-я-к!

– Посмотреть его историю прослушиваний. Сможешь выгрузить?

– Конечно, могу. А на что она тебе?

– Ну как... раритетные вещи для себя собираю.

– А, значит, хобби, – посмотрел как на дурака спец. – Эх, молодежь! Сейчас поглядим, – приложил свою руку к модулю памяти. Выпустил из своего указательного пальца иглу. Выгрузил в цифровое облако сервисного центра песню. Улыбнулся. Сказал:

– Готово. Исполнитель: «Paris». Композиция: «Pale Horse, Pale Rider». С альбома 1976 года. Было времечко!

– Это типа «Бледный конь, бледный всадник»?

– Как-то так и переводится, да. Почти то же самое, что «Всадник по имени смерть».

– Оптимистично.

– Древний, как моя жизнь, трек.

Шумела плавильная печь. Оформив свидетельство об утилизации по факту выполненных диагностических работ, практикант слушал со странным чувством, уже не поддающимся словесному определению, композицию с альбома «Big Town, 2061».

Хотелось заплакать, но он не мог. Жидкость, имитирующая слезы, кончилась еще в прошлом году, а заезжать на заправку не было необходимости.